

В ТЕНИ ГЕЛИОСА

РОМАН ГРОМОВ

Книга первая: Предел эффективности

В тени Гелиоса

Роман ГРОМОВ
В тени Гелиоса

«Автор»

2026

Громов Р.

В тени Гелиоса / Р. Громов — «Автор», 2026 — (В тени Гелиоса)

Максиму, попавшему под программу «Предел эффективности» в 50 лет, нечего терять: ни работы, ни надежды, ни даже права на старость в городе будущего Радиант-Сити. Его мир — это вечная ипотека, цифровое рабство. Но когда зять Вадим, гениальный изгой-программист, предлагает опасную сделку, у Максима появляется выбор. Стать курьером для теневой сети, бросившей вызов всемогущему «Гелиосу», — или тихо угаснуть, обременяя долгами дочь и нерождённых внуков. Их преследует не только «Гелиос», но и таинственная корпорация «Новый горизонт», скупающая «неудобных» для работ на краю изученного космоса. Цель героев — обрести достаточно силы и ресурсов, чтобы совершить невозможное: вырваться из-под контроля Земли и улететь к далёким колониальным мирам, где законы корпораций пока не всемогущи. Но прежде чем мечта о звёздах станет реальностью, им предстоит пройти через предательство, погони и выбор, где цена ошибки — не просто смерть, а вечное рабство в ледяной пустоши за пределами Солнечной системы.

© Громов Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Глава 1: Зелёный свет	7
Глава 2: Сеть	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Роман Громов В тени Гелиоса

От автора

Перед вами — история в жанре научной фантастики, приправленная хорошей порцией социальной драмы. Моя задача — препарировать в лёгкой, удобоваримой форме ужасы, нелепости и язвы нашей современности, формации под названием капитализм. А затем, оттолкнувшись от этого, показать её логичный и чудовищный итог — ультраимпериализм будущего, лишённый даже намёка на прикрытие.

Это книга о мире, который может ждать наших детей, внуков и правнуков. О том самом «светлом будущем». Я попытался проследить вектор, по которому с огромной скоростью несётся сейчас человечество. Этот вектор был задан давно, и только от нашего выбора зависит, окажемся ли мы в окончательной антиутопии без шанса на побег — или найдём в себе силы изменить курс и свою судьбу.

Часть ответов я буду искать вместе с героями этой книги. Другую часть, уважаемый читатель, предстоит найти вам. Давайте начнём.

Предисловие

Предисловие

Земля, 2382 год. Мир изменился. Мы ещё видим на картах линии, обозначающие национальные государства, но всё это фикция, ширма, чтобы человечество не узнало, что его судьба, а порой и сама жизнь принадлежат одной межзвёздной мегакорпорации — «Гелиос-Индастриз». Её логотип — две буквы, слитые в стилизованное солнышко, — к этому моменту захватил весь земной шар и прочно сжал его в своих руках.

В разных странах мира — вернее, в том, во что они превратились — сохраняются формальные признаки независимости: скелеты гражданских прав и жалкие остатки самоуправления. Существуют даже местные корпоративные структуры, но уже больше ста лет никто из их владельцев не помышляет состязаться с гигантом, а тем более — догнать его. Разрыв в экономических показателях между локальными монополиями и «Гелиос-Индастриз» напоминает Марианскую впадину. Теоретики XXI века не могли и представить таких величин, а теперь они стали реальностью — и естественным рычагом абсолютной власти.

Такое положение дел позволило «Гелиосу» подмять под себя правящие верхушки всех стран. Они либо добровольно прислуживают лидеру, либо вынуждены идти к нему с протянутой рукой, ведь «Гелиос-Индастриз» монополизировал выпуск любой продукции — от шнурков до космических шаттлов.

Однако так было не всегда. Корпорация взлетела в тот день, когда её НИИ изобрели, разработали и запустили в серию первые варп-двигатели для межзвёздных перелётов. Эпохальное открытие состоялось 6 июня 2117 года. Вторым прорывом, позволившим строить корабли с новыми двигателями, стала специальная капсула для варп-прыжка. В каждую такую капсулу встраивалось кресло пилота или места для экипажа и пассажиров — без такой защиты человеческое тело не переносило прыжок. Наладив выпуск технологий, без которых уже не могла обойтись ни одна держава, «Гелиос» начал своё восхождение на олимп, и на этом пути не гнулся ничем: жёсткие патенты, промышленный шпионаж, уничтожение конкурентов. Но, как часто бывает, счастья, безопасности и светлого будущего это восхождение почти никому не принесло.

Глава 1: Зелёный свет

— Юленька, ты дома?

Гулко отдаваясь эхом в подъезде, пискнул сигнал голосового передатчика на панели справа от двери, записав моё сообщение. А мой голос сорвался на полуслове, когда пальцы нащупали в кармане холодный брусок дистанционного ключа. По привычке, уже почти рефлексу, я потянул его было наружу — и тут же спохватился, судорожно засовывая обратно. Но было поздно. Высокая матовая панель двери отозвалась мягким свечением, окрасив коридор в успокаивающий зелёный цвет.

Система узнала меня. Узнала по старому, никому не нужному ключу, в то время как вся современная молодёжь щеголяла имплантами. Я же всегда предпочитал делать всё по-старинке.

Подсветившись по контуру белым, дверь бесшумно исчезла в стене, а я шагнул в прихожую.

С кухни выглянула Юля.

— Пап, мой руки и за стол. Так и знала, что к двум вернёшься. С утра «Шефу» программу загрузила.

«Шеф». Аппарат, больше смахивающий на станок с ЧПУ, чем на кухонный прибор. Громоздкий, как двухкамерный холодильник, он умудрялся хранить продукты, готовить еду, мыть, сушить и подогревать тарелки. Верхний отсек — для готовки, нижний — для мойки и хранения. Ассортимент блюд поражал, хотя самому устройству было уже лет двадцать пять. Помните, его только-только запустили в массовое производство, когда Юле было пять. С тех пор сменилось бог знает сколько моделей, но последние — по цене маленького звездолёта. Нам такое и не снилось.

Промокшая куртка тяжело повисла на плечах. Я снял её вместе с ботинками и подошёл к встроенному в нишу шкафу из тёмного тонированного стекла. Лёгкое касание дисплея — и створки бесшумно разъехались. Куртка на вешалку, кроссовки — в нижний ящик. Дверца захлопнулась, а на маленьком экранчике справа загорелся красный кружок. Ещё одно касание — красный сменился зелёным, и изнутри донёсся нарастающий гул сушки.

Босиком, шлёпая мокрыми носками по глянцевому пластику пола, я прошёл коридор, плавно перетекающий в гостиную, и свернул в свою комнату. Нынешние планировщики считают общие санузелы пережитком прошлого. В моём детстве такие ещё встречались, сейчас — лишь в нищих кварталах, где строят одни «однушки». Но если можешь позволить себе две комнаты — личный санузел в каждой обязателен. Сменив промокшее на сухое, я направился на кухню.

Меня ждали двое: дочь и кулинарный автомат, прозванный «Шефом». Юля доедала салат, тщательно следя за фигурой перед соревнованиями по гимнастике. «Шеф» замер в центре белоснежной кухонной мебели, его хромированные панели и матовый чёрный пластик сливались с интерьером. Я подошёл к дисплею, ткнул в привычные иконки. Аппарат откликнулся коротким писком и вывел на экран шкалу готовности. Из-под пластиковой панели донеслось тонкое шипение сервоприводов, затем — настойчивое жужжание измельчителей.

Через минуту на столешницу напротив меня бесшумно выехала исходящая паром тарелка с мясным рагу.

— Приятного аппетита, дочь, — уселся я за белый стол, утыканный разноцветными про-резиненными розетками.

— Спасибо, пап. Ну как, есть успехи?

— Да никаких, Юль. Ездил в наш старый район, думал, может, кто возьмёт хоть неофициально. Пара вариантов была, но как дело до документов доходит — всё. Боятся, черти. Проверка нагрянет — штрафы такие, что последние штаны снимай.

— Знаю, знаю. Но ты не отчаивайся. Обязательно что-нибудь найдём, раз уж ты так хочешь. Может, Вадим куда пристроит? Правда, ему сначала свой проект раскрутить надо. Так что не вешай нос. Живи у нас, ты нас не обременяешь. Пятьдесят два — не приговор. Раньше мужики и до восьмидесяти работали!

— То раньше, — мотнул я головой.

— Пап, это же государственная программа «Золотая осень». Забота о здоровье нации.

— Золотая осень? — я фыркнул. — Скорее, «Предел эффективности». Цифра в паспорте превысила лимит — и ты мусор, подлежащий утилизации. Самая настоящая сегрегация. Социальный террор под соусом заботы.

Помолчал, ковыряя вилкой в тарелке.

— Ладно, мне ещё с вами повезло. А другие как выживают? Работать нельзя, цены заоблачные, растут каждый день. Целые гетто уже понастроили. А они дают пособие — на полгода безбедной жизни. И это взамен тридцати лет, что я на них горбатился.

После обеда дочь начала собираться на тренировку, а я вышел в гостиную и глянул в панорамное окно на город.

Красиво, чёрт возьми. Сороковой этаж как-никак.

Радиант-Сити. Современный, выстроенный в форме идеального круга город-крепость на костях старого мегаполиса, чьи окраины теперь — сплошное гетто. Мекка для бизнесменов и наследных рантье, финансовая столица новой Балтики.

В самом центре громоздятся корявые, хищные небоскрёбы совершенно невообразимых форм. Не меньше трёхсот этажей в каждом. От главных лучевых проспектов, словно жирные щупальца, отходят элитные кварталы. Цена за метр там такая, что на студию и за десять жизней не накопишь, занимаясь честным трудом. Хотя студий там и не строят. Даже «трёшек» не найдёшь — покупай биомодуль целиком, по цене океанского лайнера. Эйр-лофты, вроде бы так они называются. Там будет всё: личный биоинтерфейс, процедурные капсулы, виртуальные спортивные залы... Из дома выходить не потребуется в принципе. Вот только кто такое потянет? Вот и стоят эти стеклянные улыбки полупустыми, поражая воображение не столько удобствами, сколько космическими ценниками. Я где-то читал, что реальная загрузка таких кварталов — от силы десять-пятнадцать процентов.

Наша квартира — типа «кокон», для среднего класса. Однако и её сразу купить — задача нереальная при нынешних ценах. Так никто и не покупает. Берут в ипотеку. Вечную ипотеку. И это не речевой оборот, а юридический термин и неприглядная действительность. Закон всегда на стороне корпораций-застройщиков. Родители не успели выплатить — долг автоматом переходит на детей. Не успели дети — будут платить внуки. Прервать эту цепь можно только одним способом — выброситься с того самого сорокового этажа. Но тогда твой «кокон» моментально займёт очередной винтик системы, уже со своим вечным долгом. Вадиму эта недвижимость так и досталась в наследство от родителей, может, ему повезёт раскрутить свой амбициозный проект и у него получится расплатиться. Если нет, за всё будут расплачиваться мои внуки.

Мне вдруг представилось на миг несуществующее личико. Ещё не рождённое. И на эту нежную кожу, на эти розовые щёчки уже лёгла холодная тень от небоскрёбов Радианта, будто клеймо, цифровой ярлык долга.

Я отвернулся от окна. Красота Радианта была чужой и лживой, как глянцевая картинка в рекламном буклете «Гелиоса». Красота, которая давила.

Знакомая мелодия прозвучала из прихожей ровно в шесть, разрезая вечернюю тишину предсказуемыми клавишными аккордами. Искусственный интеллект узнал хозяина квартиры, считав имплант в запястье, и проиграл соответствующую композицию. Я даже не вздрогнул.

Только Вадим был настолько пунктуален, что по нему можно было сверять хронометры, даже если все сетевые часы мира вдруг сбились.

— Входи, — бросил я, не поднимаясь с кресла. Панель замигала зелёным, и в прихожую вплыл Вадим. Не вошёл, а именно вплыл — стремительной, лёгкой походкой человека, который экономит каждую секунду, потому что его время стоит денег. Денег, которых у него пока не было.

— Здравствуйте, Максим Александрович, — кивнул он, снимая стильное, но явно не новое пальто из умной ткани. Оно тут же сложилось в компактный прямоугольник в его руках. — Юля дома?

— На тренировке. Садись.

Вадим предпочитал стоять. Он замер у края ковра, его пальцы нервно перебирали невидимые клавиши по шву брюк. В тридцать два мой зять выглядел на удивление свежо, несмотря на постоянные переработки, нервоотрёпку и недосып. Судя по его рассказам, он был единственным из его коллег, кто прекрасно обходился без услуг современных биопротезистов — тонкий чувственный нос, волевые скулы и чуть затуманенные усталостью голубые глаза. Но в самих глазах горел тот самый огонь, которого у меня не было уже лет десять. Огонь амбиций, за которыми гонишься, пока не разобьёшься.

— Я к вам с новостями, — начал он без предисловий. — Мой проект... он вышел на финальную стадию. Альфа-тест пройден. Осталось найти первого инвестора или... или продать прототип.

— «Гелиосу»? — угадал я, и в горле запершило от знакомой горечи.

Он кивнул, сжав губы.

— Они вышли на меня. Через три уровня посредников, конечно. Предлагают сумму. Сумму, которой хватит, чтобы закрыть ипотеку, купить Юле место в сборной и... обеспечить вас с ней лет на пять вперёд.

Он сделал паузу, давая цифрам осесть в воздухе. Цифрам, которые пахли не свободой, а другой, более изощёренной клеткой.

— Но? — спросил я, уже зная ответ.

— Но они покупают не технологию. Они покупают меня. Пожизненный контракт в их технограде с чёрным ящиком неразглашения. Все патенты, все дальнейшие разработки — их. Я становлюсь винтиком. Ещё одним. — Он провёл рукой по лицу, и в этом жесте была такая усталость, что мне стало почти его жаль. Почти. — А проект... проект умрёт. Они его похоронят в самых глубоких архивах, потому что он нарушает их монополию на распределение данных.

Я медленно поднялся с кресла и подошёл к окну. Внизу, в чаше Радианта, уже зажигались огни — холодные, безжизненные пунктиры, отмечающие маршруты патрульных дронов и транзакции состоятельных призраков, живущих в эйр-лофтах.

— И в чём суть твоего проекта, Вадим? Если не секрет, за который тебя уже могут посадить.

Он помедлил секунду, будто проверяя, не ведётся ли прослушка. Потом сказал тихо, отчеканивая каждое слово:

— Децентрализованная торговая сеть. На блокчейне старого образца, довоенного. Полная анонимность. Прямые сделки между пользователями, без посредников, без комиссий «Гелиоса», без их слежки. Обмен ресурсами, информацией, услугами. Теневая экономика, которая не контролируется корпорацией.

Я присвистнул. Тихо, сквозь зубы.

— Ты построил чёрный рынок.

— Я построил рынок, — поправил он, и в его голосе впервые прозвучала сталь. — Рынок, который принадлежит людям, а не «Гелиосу». Семена, медикаменты, запчасти, данные — всё,

что они монополизировали и взвинтили в цене. Там можно будет купить хлеб, не отдав за него ползарплаты. И найти работу... без проверки возраста.

Последнюю фразу он сказал, глядя прямо на меня. И я понял, с чем он на самом деле пришёл. Это была не просьба о совете. Это был расчёт.

— Тебе нужен кто-то вне системы, — сказал я, и мои собственные слова прозвучали чужим, спокойным голосом. — Кого не жалко. Кого уже списали. Чтобы встречаться с людьми из гетто, принимать грузы, быть на виду. Пока ты, гениальный создатель, остаёшься в тени.

Вадим не стал отрицать.

— Вам нечего терять, Максим Александрович. А у Юли... у Юли будет шанс. Настоящий шанс, а не подачка от системы. Если проект выстрелит, мы втроём сможем уехать. На колониальные миры. Там законы «Гелиоса» пока не так сильны.

Он говорил о звёздах, а я смотрел на тень от небоскрёба, лежащую на улицах, как гигантская решётка. «Нечего терять». Он был прав. У меня не было даже той призрачной стабильности, которую давала вечная ипотека. У меня была только горечь и сороковой этаж, с которого можно было шагнуть вниз.

Но шагнуть можно было и в другую сторону.

— Что нужно сделать? — спросил я, всё ещё глядя в окно.

— Для начала — встретиться с человеком. В старом районе. Он поставляет... оборудование. Старое, аналоговое, не подключённое к сетям «Гелиоса». Без него система не запустится. Но встреча опасная. Если это провокация...

— Если это провокация, «Гелиос» тебя возьмёт в оборот, а меня отправят в тюрьму или куда похуже, — закончил я за него. — Слышал про «Новый горизонт»? Говорят, выкупают преступников с земли и увозят на границы изученного космоса, работать в самых суровых условиях?

— Слышал что-то, но пока только слухи, — опустил глаза, продолжил Вадим. — Я понимаю. Дело опасное, мы с коллегами готовили эту встречу долгое время. И теперь, с нашими наработками такая возможность представилась. Только представьте, скольким людям мы сможем помочь, если всё получится! Я не давлу, подумайте и спокойно примите решение. Мне сейчас пора бежать, если согласитесь, отправьте мне ваш идентификационный номер. Я всё пойму.

— Когда нужно ехать?

— Завтра. В девятнадцать ноль-ноль.

— Да что тут собственно думать? Если есть возможность помочь людям, я готов без промедления!

— Спасибо вам, — тепло поблагодарил меня зять, положив руку на плечо. — Адрес я сброшу вам в личный мессенджер, через одноразовую сеть.

Я наконец оторвался от окна и повернулся к нему. Вадим смотрел на меня как на последнюю возможность сохранить свой проект. И в этой честности было больше уважения, чем во всех его церемонных «Максим Александрович».

— Конечно, — сказал я. — Сбрасывай, а я пока обдумываю варианты, как лучше будет обделать дело с меньшим риском.

Он кивнул, накинул своё умное пальто и, развернувшись, так же стремительно, как появился, исчез в прихожей. Через секунду дверь мягко щёлкнула.

Я остался один в гостиной, где красота за окном давила, а в ушах звенела тишина. Через пятнадцать минут я отошёл от окна и сел на диван. В кармане брюк снова проступил сквозь ткань холодный брусок ключа. Старый, никому не нужный. Ключ от двери, которую система уже открыла без него.

Но, возможно, этим ключом можно было попробовать открыть что-то другое. Что-то, на что «Гелиос» не предусмотрел замка.

Я потянулся к коммуникатору. Экран вспыхнул, показав одно сообщение от неизвестного senderID. Координаты и время. И одна фраза:

«Спросите про зелёный свет. Они поймут.»

Улицы старых районов не напоминали затянутые чёрным пластикобетоном артерии Радианта. Это были рубцы: треснувшие бетонные панели покрытия, залатанный вручную битым кирпичом, лужи неиссякающей грязи, пахнущей ржавчиной, затхлой водой и отчаянием. Воздух здесь был густым, тяжёлым, лишённым стерильной свежести циркулирующих через фильтры потоков. Я шёл, зажав в кармане тот самый холодный брусок ключа. Не знаю зачем — оберег, последняя связь с условной нормальностью.

Адрес, сброшенный Вадимом, привёл меня к бывшему цеху какого-то завода. Здание, похожее на гигантскую бетонную гробницу, с выбитыми окнами и граффити, изображавшими карикатуры на логотип «Гелиоса» — солнце с хищными, будто стилеты острыми лучами. Вход представлял собой дыру в стене, прикрытую куском профнастила. Сумрак внутри был почти физическим, разрезаемым лишь узкими лучами света, пробивавшимися сквозь щиты на верхних этажах.

— Стой. Кого принесло? — из темноты отделилась тень. Невысокий, коренастый мужчина в дешёвой куртке из латекса. В его руке не было видно оружия, но поза говорила о готовности к удару.

Я заставил себя не отпрянуть.

— Меня прислали. Спросить про зелёный свет, — мои собственные слова прозвучали неестественно громко в гулкой пустоте цеха.

Тень замерла, затем негромко рассмеялась — сухим, скрипучим смехом.

— Зелёный свет... Давно не слышал. Старая примета. Говорят, раньше, до «Гелиоса», такие огни на перекрёстках стояли. Разрешали движение. — Он сделал шаг вперёд, и в полоске света я разглядел лицо — измождённое, с умными, усталыми глазами и сетью морщин, похожей на карту былых катастроф. — Значит, ты и есть наш новый «курьер»? Тот, кто ничего не боится, потому что терять нечего?

— Меня зовут Максим, — сказал я, опуская намёк. — А вы?

— Зови меня Умбра, — отозвался мужчина. — Можешь звать Умбр. Не удивляйся, здесь все живут под кличками, не то что у вас чистюль. Имена — для системы, для паспортов и могил. Ну что, Максим-ничего-не-боящийся, пойдём. Твой «свет» в самом низу.

Он развернулся и зашагал вглубь цеха, не проверяя, иду ли я за ним. Это был либо тест, либо знак доверия. Я последовал, спотыкаясь о хлам в полумраке. Мы спустились по шаткой лестнице в подвал. Там, в свете тусклых светодиодных лент, царил другой мир.

Это была мастерская. Вернее, лазарет для древней техники. На столах, заваленных инструментами, лежали разобранные серверные стойки начала века, платы с огромными, по нынешним меркам, чипами, блоки питания с ручной пайкой. В воздухе витал запах канифоли, олова и старого пластика. У дальней стены, прислонившись к шкафу с приборами, стояла девушка лет двадцати пяти. Стрижка под ноль, умные, быстрые глаза, следы машинного масла на худых предплечьях. Она смотрела на меня с холодным любопытством хищной птицы.

— Умбра, это он? — её голос был низким и ровным.

— Он самый. Про зелёный свет спросил.

Девушка кивнула и поманила меня пальцем.

— Подойди. Покажу, зачем тебя позвали.

На столе перед ней лежало устройство, похожее на утолщённый планшет, но с десятком физических портов по бокам и массивным, кустарным радиатором.

— Это коммутатор, — сказала она, не отрывая взгляда от пайки. — Мозг локальной ячейки сети. Не имеет уникального ID, не пингует сервера «Гелиоса». Работает на изолированных частотах, которые они давно вывели из оборота как «мусорные». Связь — точка-точка,

через такие же коробки. Чтобы поднять сеть в одном районе, нужно три штуки. У нас есть две. Третью должен был привезти курьер неделю назад. Его взяли на выезде из Технограда.

Она отложила паяльник и наконец посмотрела на меня.

— Его «выкупил» «Новый горизонт». Официально — за контрабанду. Теперь он где-то на краю Пояса астероидов долбит породу. Если повезло, и не взорвался на старте от перегрузок. — В её голосе не было ни страха, ни злости. Только констатация факта, чудовищного в своей обыденности. — Поэтому нужен ты. Нелегальный, без импланта, без цифрового следа. Старая школа. Можешь взять коробку, пройти пешком через три района и отдать её на складе у реки. Маршрут знаешь?

Я посмотрел на устройство. Оно весило, наверное, килограммов пять. Обычная коробка. Кусок пластика и металла, который стоил человеку свободы, а может, и жизни.

— Знаю, — соврал я. — Вадим сбросил схему.

— «Вадим»... — Мужик хмыкнул где-то за спиной. — Пусть остаётся в тени, умник. Его голова нам ещё нужна. А ноги... ноги сейчас — твои.

Девушка — её звали Кай, как я позже узнал — протянула мне потрёпанный рюкзак.

— Здесь. Еда, вода, пачка старых кредиток на случай проверки (они давно не в ходу, но могут отсрочить вопросы). И коробка. Не включай её. Не подноси к сканерам ближе чем на пятьдесят метров. И главное... — она пристально посмотрела мне в глаза, — если поймут, что ты везешь — не сдавай Умбру. Скажи, что нашёл на свалке. Хотел сдать как металлолом. Шанс, что поверят, один из ста. Но это лучше, чем ничего.

Я взвалил рюкзак на плечо. Тяжесть оказалась не только физической. Это был груз новой ответственности. Не за квартиру, не за семью — за идею. За чью-то чужую надежду.

— Как узнаю тех, кому передать? — спросил я.

— Спросишь про зелёный свет, — ухмыльнулся Умбра плюнув себе под ноги. — И посмотри им в глаза. У тех, кто против «Гелиоса», взгляд особый. Пустой и горящий одновременно. Как у тебя сейчас.

Я вышел из подвала на убогие улицы, уже погружающиеся в вечерние сумерки. Рюкзак давил на лопатку. В кармане по-прежнему лежал холодный ключ. Но теперь я понимал, что он отпирал не дверь в прошлое. Он был ключом от нового, страшного и единственно возможного настоящего.

Впереди было шесть километров пешком через враждебный город. Первый тест. Первый угол моего нового падения — или взлёта. Я сделал шаг вперёд, нащупывая брусок в кармане. Он всё так же был холоден. Но внутри меня что-то, давно уснувшее, медленно и неуверенно начинало зеленеть слабым, упрямым светом.

Свет центральных кварталов остался позади, сменившись на первых порах обычным, но давно не отремонтированным асфальтом. Потом и он закончился. Дальше начиналась «мёртвая зона» — полоса в несколько кварталов, отделявшая опрятные, пусть и обветшавшие жилые массивы прошлого века от сплошного гетто. Здесь не было ни патрулей «Гелиоса», ни уличного освещения, ни даже следов муниципальной уборки. Власть корпорации здесь была прозрачной, но присутствовала в виде далёкого гудящего рейда патрульного вертолёта-беспилотника, скользившего по границе, как акула у рифа.

Я шёл, стараясь ступать как можно тише, но каждый шаг отдавался в тишине гулким эхом. Тяжесть рюкзака за спиной превращалась в навязчивый, пульсирующий ритм, бивший в такт сердцу. Пять килограммов, пять лет тюрьмы. Пять килограммов, «Новый горизонт». Мысли метались, цепляясь за каждую тень, за каждый хруст под ногами.

Спрятаться здесь было некуда. По бокам тянулись фасады мёртвых зданий — бывших магазинов, офисов, кафе. Витрины выбиты, двери сорваны, из чёрных глазниц окон на меня смотрела пустота. Воздух пах пылью, затхлостью и чем-то кислым, сладковатым — запахом медленного распада.

Именно здесь я их и увидел.

Сначала я услышал голоса — приглушённые, молодые. Потом разглядел троих. Они сидели на корточках у развороченного фонтана, деля что-то из жестяной банки. Лохмотья, грязные лица, пустые глаза. Бездомные подростки, которых система выплюнула ещё до того, как они успели в неё встроиться. Дети гетто, выбравшиеся на «ничейную землю» в поисках хоть чего-то.

Один из них, самый высокий, заметил меня и медленно поднялся. В его руке блеснуло лезвие — не нож, а обломок чего-то, замотанный в тряпку.

— Эй, дед! — его голос сорвался на визгливой ноте. — Что везешь-то? Поделись с молодёжью!

Двое других тоже встали, образовав полукруг. Адреналин ударил в виски, но вместе с ним пришло неожиданное, леденящее спокойствие. Страх был, но он ушёл куда-то глубоко, уступив место холодной, почти посторонней наблюдательности. Именно так, Максим. Теперь ты не просто жертва системы. Ты — цель. Курьер с грузом.

— У меня ничего нет, — сказал я ровно, не останавливаясь. — Ищите себе других дедов.

— А рюкзак-то зачем? — высокий сделал шаг навстречу. Он был тощ и нервен, как голодный щенок, но в его глазах горела та самая, знакомая уже ярость — ярость того, кому нечего терять. — Отдай рюкзак, и пройдёшь!

Я остановился. До них было метров десять. Умбр говорил про сканеры «Гелиоса», но не говорил про голодных пацанов с обломками.

— Здесь, — сказал я, медленно опуская рюкзак на землю, но не отпуская лямок, — только старый хлам. Железо. Вы его не продадите.

— Мы не продадим — мы сдадим, — усмехнулся второй, пониже. — За кредиты на еду. Давай, старик, не тяни.

Мой взгляд скользнул по их лицам. Не бандиты. Отчаявшиеся дети. И в этом была смертельная опасность — они могли убить не из злобы, а из простого, животного отчаяния. Из-за пяти килограммов железа, которое должно было помочь сотням.

И тут в тишину врезался новый звук. Низкий, нарастающий гул. Знакомый гул. Я поднял глаза. Над линией крыш, со стороны Радианта, плыл патрульный дрон. Не вертолёт, а небольшой квадрокоптер с камерой и сканером. Он не спеша обследовал периметр, его красный глазок-сенсор медленно поворачивался из стороны в сторону.

Пацаны его тоже слышали. Их внимание на мгновение дрогнуло, переключилось на небо. Страх перед системой оказался сильнее голода.

— Чёрт... — прошипел высокий, отступая назад в тень арки. — Это же сканер...

— Отойдём! — дернул его за руку второй.

Они растворились в темноте разбитого здания так же быстро, как появились, оставив после себя лишь шелест гравия под ногами и банку, покотившуюся по мостовой.

Я стоял, не двигаясь, прижимаясь спиной к холодной стене. Дрон плыл ближе. Его красный глаз замер, нацелившись прямо на мой перекрёсток. Сейчас он проведёт сканирование. Тепловую подпись он увидит точно. А если его софт настроен на распознавание объектов... Рюкзак мог попасть в категорию «подозрительный груз».

Сердце застучало в висках, заглушая гул двигателей. Кай говорила: «Не подноси к сканерам ближе чем на пятьдесят метров». Дрон был в ста метрах и приближался.

Ключ. Мысль ударила, как ток. Холодный брусок в кармане. Беспольный кусок металла. Или нет?

Я рванулся вперёд, не к укрытию, а к центру перекрёстка, прямо под старую, мёртвую светофорную колонну. Вырвал ключ из кармана и изо всех сил швырнул его в сторону, откуда пришли пацаны. Металл с глухим звоном ударился о гранитный бордюр и отскочил в канализационный сток.

В тот же миг дрон резко сменил траекторию. Его сенсор дернулся, нацелился на место падения ключа. Процессор, вероятно, зафиксировал движение, металлический объект, падение. Стандартный протокол: проверить аномалию.

Медленно, стараясь не делать резких движений, я поднял рюкзак и, пригнувшись, заскользил вдоль стены в противоположную от ключа сторону. Дрон, зависнув над стоком, начал снижаться, освещая лучом прожектора решётку.

Я уже был в следующем переулке, когда услышал, как его двигатели снова набирают обороты для продолжения патрулирования. Он не пошёл за мной.

Прислонившись к стене, я закрыл глаза и сделал несколько глубоких, прерывистых вдохов. В горле стоял ком. В кармане было пусто. Глупый, старый ключ, символ прошлой жизни, выполнил свою последнюю миссию — отвлек внимание системы. Теперь у меня не было даже этого.

Но был рюкзак. И шесть километров, из которых я прошёл только два.

Я выпрямился, взвалил груз на плечо и снова зашагал вперёд, в сторону реки и склада, где меня ждали незнакомые люди и пароль «зелёный свет».

Последние два километра были не ходьбой, а мукой. Каждый шаг отдавался ноющей болью в пояснице, натёртые лямками рюкзака плечи, будто жгли огнём. Гетто здесь сменялось промзоной — бесконечными рядами заброшенных ангаров, заросшими бурьяном железнодорожными путями, ржавыми остовами цистерн. Воздух пропитался запахом окислов и стоячей воды. Я шёл по краю дороги, укатанной грузовиками много лет назад, и пытался не думать о том, что Вадим мог ошибиться. Что адрес — ловушка. Что я несу этот чёртов коммутатор прямо в руки корпоративной безопасности.

Но отступить было поздно. Ключ я выбросил. Возвращаться в Радиант с этим грузом было равносильно самоубийству.

Река открылась внезапно — грязно-серая лента воды под низким свинцовым небом. По её берегам ютились полуразрушенные причалы, проржавевшие краны, затонувшие баржи. Склад, указанный в координатах, оказался самым неприметным из ангаров: длинное одноэтажное здание из пористого шлакоблока, с облупившейся краской и провалившейся в нескольких местах крышей.

У входа никого не было. Только ветер гулял меж ржавых балок, издавая тонкий, скорбный вой. Я остановился, переводя дыхание. Сердце колотилось где-то в горле. «Спросите про зелёный свет. Они поймут».

— Есть тут кто? — мой голос прозвучал хрипло и неуверенно.

Ответом была тишина. Потом скрипнула ржавая петля, и из тени за углом появился человек. Невысокий, сутулый, в рабочей робе, заляпанной чем-то тёмным. В руках он держал не оружие, а увесистый гаечный ключ.

— Кого чёрт принёс? — спросил он, не приближаясь. Голос у него был глухой, сиплый от многолетней работы в пыли.

— Меня прислали, — сказал я, снимая рюкзак. Каждое движение давалось с трудом. — Спросить про зелёный свет.

Человек замер. Потом медленно опустил ключ.

— Зелёный свет, говоришь? — он покачал головой, и в его потёртом, обветренном лице что-то дрогнуло — не улыбка, а скорее снятие маски вечной настороженности. — Ладно. Заходи светлячок.

Он откинул тяжёлую створку двери, и я шагнул внутрь.

Ангар изнутри оказался не складом, а мастерской — точнее, храмом старой механики. Под высоким, закопчённым потолком стояли токарные и фрезерные станки довоенного образца, гудели самодельные генераторы, пахло смазкой, металлической стружкой и дымом.

В центре, под люминесцентной лампой, двое мужчин разбирали какой-то агрегат, похожий на насос. Они подняли глаза заметив наши тени на полу.

— Свои, — коротко бросил привратник. — Про зелёный свет спросил.

Один из механиков, широкий в плечах, с руками, покрытыми татуировками старых шрамов и машинного масла, вытер ладони о ветошь и подошёл.

— Значит, ты и есть замена Генке? — спросил он, оглядывая меня с ног до головы. Взгляд был оценивающим, но без враждебности. Профессиональным. — Говорят, его «Новый горизонт» забрал.

— Так и мне сказали, — кивнул я, ставя рюкзак на верстак, заваленный железом. — Я должен передать груз.

— Покажи.

Я расстегнул молнию и вытащил коммутатор. Чёрная коробка с кустарным радиатором выглядела тут, среди этого царства металла и масла, почти родной. Механик взял её, повертел в руках, потом поднёс к свету, щурясь на пайку.

— Кай работала, — констатировал он. — Чисто. Молодец. — Он отложил устройство в сторону и снова уставился на меня. — А ты кто такой, если не секрет? Не похож ты на нашего брата. Не из гетто.

— Я из Радианта, — признался я. Скрывать было бессмысленно. — Меня... попросили помочь.

— Из Радианта, — механик протянул слова, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на насмешку, но лишённое злобы. — «Кокон», «вечная ипотека», «предел эффективности». Попал под раздачу, да?

— Попал.

— Ну, что ж, тогда добро пожаловать в реальный мир, короче, — он хлопнул меня по плечу, и от этого жеста, грубого и простого, внутри что-то ёкнуло. Это не было жалостью. Это было признание. Принятие в круг. — Я — Борода. Не удивляйся, все тут по кличкам. А это — Шпилька, — он кивнул на второго механика, тощего, в очках с толстыми линзами. — Он у нас мозги. А там, у входа, — Хаунд. Он и сторож, и чутьё у него, как у пса. Если привёл — значит, чистый.

Я кивнул, пытаюсь осмыслить эту новую, грубую простоту. Никаких церемоний, никаких «Максим Александрович». Просто Борода, Шпилька, Хаунд. И я, видимо, теперь — Курьер.

— Что с этим делать? — я указал на коммутатор.

— С этим? — Борода усмехнулся. — Это, браток, кусочек свободы. Когда их три штуки свяжем в сеть — в этом районе можно будет общаться, торговать, договариваться. Мимо касс «Гелиоса». Мимо их ушей. — Он погладил коробку, как живую. — Завтра Шпилька его настроит, подключит. А послезавтра уже первый пакет данных погоним. Про лекарства. В гетто у детей дизентерия, антибиотиков нет, а у «Гелиоса» они — по цене крыла от звездолёта.

Он говорил о практических вещах. О болезнях, о деньгах, о данных. Не о великой революции, а о том, чтобы дети не умерли от поноса. И в этой приземлённости было больше правды и силы, чем во всех пафосных речах.

— А что мне делать? — спросил я.

— Тебе? — Борода прищурился. — Отдохни. Первый раз — самое страшное. Потом... потом посмотрим. У нас работа всегда есть. Принести, отнести, передать слово. Ноги, понимаешь? Нам ноги всегда нужны, мозги и руки у самих есть. А ноги — всегда в дефиците. Особенно такие... незаметные.

Он имел в виду «старые». Не отмеченные системой.

Хаунд принёс мне кружку какого-то горького, обжигающего чая. Я сидел на ящике из-под инструментов, смотрел, как Шпилька, не обращая на меня внимания, уже копошится с

платами, и слушал размеренный гул генератора. Усталость накрывала волной, но это была иная усталость — не от безнадёжности, а от сделанного дела. От преодоления.

Здесь, в этом прокопчённом ангаре на краю гнилой реки, среди людей с кличками, я чувствовал себя не бесполезным хламом, а... инструментом. Пусть простым, пусть расходным. Но нужным.

Я допил чай, поставил кружку на верстак.

— Я пойду, — сказал я. — Сообщите Вадиму... что груз доставлен.

— Сообщим, — кивнул Борода, не отрываясь от насоса. — И слушай, Курьер... Завтра, если что, знаешь дорогу. Дверь всегда открыта. Для своих.

Я вышел на холодный воздух. Ночь уже полностью вступила в свои права, но городская мгла не позволяла разглядеть звёзд. Только далёкое зарево Радианта горело на горизонте, как фальшивое, чужое солнце.

Глава 2: Сеть

Обратный путь я проделал на автобусе — ветхом, тряском, но легальном. Никто не остановил, не спросил. Я был просто усталым мужчиной в потрёпанной куртке. Невидимка. На границе Радианта я пересел в транспортный модуль «Гелиос-Транзит». Моё социальное рейтинговое число позволяло бронировать класс «Стандарт» — персональную ячейку. Для тех, кто из гетто, есть только общие вагоны с жёсткими скамьями и сканерами на каждом шагу. Прозрачный купол моей ячейки герметично закрылся, отсекая уличный смрад. Репульсоры выровняли капсулу, и она бесшумно понеслась по выделенной эстакаде. Внизу, у самого бетонного кольца стены, отделявшей Радиант от гетто, толпились люди. Они выходили из старых, коптящих выхлопом автобусов, которым был закрыт въезд в город, и проходили пешком через долгий контроль на КПП. Сорокаметровая стена и пропускной терминал — вот их «станция пересадки». Одни шли на низкоквалифицированные смены, другие — обратно, в свои кварталы. Я смотрел на них сверху, из стерильной тишины своей капсулы, уносимой в сердце города. Я заплатил за уединение не деньгами, а годами лояльности системе, которую теперь предавал.

Войдя в свою квартиру, я сразу почувствовал контраст. Давящая тишина. Стерильный воздух. Лживая красота за окном. Всё было так же, как и днём.

Но я был уже другим.

Подошёл к окну, глядя на свой отражённый в тёмном стекле силуэт. В кармане было пусто. Ключ остался там, в мёртвой зоне, выполнив последнюю задачу.

Но теперь у меня был адрес. Был пароль. Были люди, которые сказали «для своих».

Я повернулся от окна. Завтра снова нужно будет искать работу. Ходить по собеседованиям. Изображать благонадёжного пенсионера. Играть по правилам системы.

Но теперь это была всего лишь маскировка. Шум для прикрытия. Настоящая работа, тихая и опасная, ждала в другом месте. У причала с названием «Зелёный свет».

Впервые за два года я лёг спать, чувствуя не горечь, а странное, тяжёлое спокойствие. Я нашёл то, чего не было у системы. Не надежду. Трещину. И в неё уже начал просачиваться тот самый, слабый, упрямый свет.

Утро встретило меня недобро, затянутое тёмными тучами небо, нависало над городом, будто хмурясь на меня за то, что я вчера сделал. Если бы я верил в высшие силы, то мог бы подумать - боги гневаются. Но не смотря на современные неохристианские проповеди, которые каждый день ведутся, на всевозможных цифровых площадках. Пытаясь запудрить людям голову, я оставался ярым атеистом, предпочитая пользоваться для осмысления мира, не замыслом провидения высших сил, а древним материалистическим подходом. Такой подход, при достаточно хорошем владении его основами, гораздо лучше объясняет суть вещей и даёт полноценные ответы на все возникающие по ходу жизни вопросы.

Проснувшись окончательно, я сел на кровати. Система отреагировала штатно: тёмный пластик панорамного стекла начал светлеть, и через несколько секунд совсем растворился, представив моему взору нависшие над городом тяжёлые дождевые тучи.

На горизонте, светясь ровными синими точками, шли на посадку серебристые космические челноки. Снабженцы. Они сновали между Землёй и трюмами орбитальных гигантов — тех самых ковчегов, что были видны в ясные ночи как тусклые звёзды. Самые большие из них тянулись на пятнадцать километров, будто целые города. А эти малыши, расквартированные на их бесконечных палубах, таскали наверх всё необходимое: от сплавов для брони до семян для гидропоник.

Им, в отличие от их матерей, это было позволено. По Конвенции, входить в атмосферу разрешалось судам массой не больше четырёх энигм — тех самых четырёх энигм, что у землян равнялись сорока восьми тысячам тонн. Ковчеги же весили в десятки раз больше, да и их дви-

гатели наносили бы планете непоправимый вред. Решение приняли ещё на Втором заседании Совета, раз и навсегда запретив в плотных слоях атмосферы любые силовые установки, кроме магнитогидродинамических. Установка таких ускорителей — удовольствие космической цены, не по карману большинству владельцев судов.

Поэтому эти малыши и шли на посадку тихо — без рёва и огня, лишь с приглушённым гулом и холодным сиянием плазмы, разрезая свинцовое небо, словно бледные, молчаливые призраки.

Я оторвался от созерцания панорамы города, прислушиваясь к буханью барабанов за дверью. Это наверняка Юлька: завтракая и собираясь на тренировку, она велела нейроинтерфейсу квартиры сгенерировать под её текущее настроение новую композицию. Опять что-то бодро-агрессивное.

Принял прохладный душ, переоделся в чистое и направился к двери. Та, почуяв моё приближение, бесшумно уехала влево, открывая обзор на просторную гостиную.

Ритм, который я слышал, оказался не просто бодрым — это была настоящая звуковая атака на органы чувств. Казалось, сама мебель вибрировала в такт жёсткой дроби электронных барабанов, на которую накладывались искажённые семплы криков чаек. Юля, стоя спиной ко мне у панорамного окна, ритмично подёргивала плечами, доедая последний кусок протеинового батончика. На ней была облегающая чёрная тренировочная форма с неоновыми зелёными полосами по бокам, а волосы, собранные в тугий «конский хвост», метались из стороны в сторону в такт её движений. В воздухе витал терпкий запах имбирного смузи и спортивного геля.

— Пап, доброе! — крикнула она, не оборачиваясь, её голос пробился сквозь какофонию. — «Шеф» тебя покормил?

— Доброе, — ответил я, заглядывая в кухню. Да, покормил, — отозвался я, подходя к Шефу, где слева от него, на столешнице одиноко стояла моя тарелка-самонагрев. Я ткнул в кнопку, и крышка с тихим шипением отъехала, выпуская пар от омлета. Музыка резко сменилась — агрессивный техно-бит сменился плавной, почти медитативной инструментальной композицией с переливами арфы. Видимо, система засекала мой повышенный уровень кортизола и решила «убавить пыл». Такие вот заботливые тюремщики.

— Спасибо, что не стал выключать, — сказала Юля, наконец повернувшись. Её лицо было слегка раскрасневшимся, глаза горели предвкушением нагрузки. — Мне нужно было войти в ритм. Сегодня сложная акробатика на бревне.

— Удачи, — сказал я, садясь на высокий барный стул. — А Вадим... Он с ночи не появлялся?

Тень промелькнула в её глазах, быстрая, как облако на её идеальном небосклоне. Но голос остался лёгким.

— Нет. Пишет, что на финальных тестах проекта. Говорит, этот уикенд, наверное, тоже будет ночевать в лабе. — Она подошла к шкафу, вытащила спортивную сумку, уже собранную и пахнущую ароматом антисептика и свежего белья. — А у тебя на сегодня планы есть? Может, сходишь куда? В галерею новую... или в виртуалку? Чтобы не сидел тут один.

«Планы». Слово прозвучало как издевка. У меня был один план: дождаться сообщения от Умбры или Бороды. Или от Вадима, с новым адресом, новой коробкой, новой угрозой. Я чувствовал себя сапёром, который ждёт, когда наступит на мину, но уже не боится взрыва — потому что живёт прямо на минном поле.

— Да куда я, — отмахнулся я, ковыряя вилкой в омлете. — Пройдусь, может. По старым местам. Там свежий воздух.

Юля посмотрела на меня пристально, с той смесью заботы и лёгкого раздражения, с какой взрослые дети смотрят на родителей, упрямо цепляющихся за отжившие привычки.

— Только осторожнее, ладно? В тех районах сейчас... беспокойно. Говорят, «Гелиос» усилил патрули после вчерашнего инцидента.

Лёд тронулся у меня под ложечкой. Инцидент. Значит, мою вчерашнюю прогулку всё-таки заметили. Или нашли ключ? Или засекли аномалию от коммутатора? Я заставил себя не менять выражения лица.

— Какого инцидента?

— Да хрен его знает, — пожалала она плечами, накидывая на сумку тонкий ветровочный плащ. — В новостях мельком сказали — «несанкционированная активность». Скорее всего, какие-то гопники с гетто пытались украсть оборудование. В общем, будь внимателен.

— Буду, — пообещал я, и это была не совсем ложь.

Она подошла, быстро обняла меня, пахнувшая мятной жвачкой и энергией. — Всё будет хорошо, пап. Ты же сильный. Люблю.

— И я тебя, солнышко.

Ещё секунда — и дверь за ней мягко щёлкнула, оставив меня в тишине, нарушаемой только убаюкивающими переливами арфы из динамиков. «Всё будет хорошо». Детская вера в сказку. Она не видела глаз Умбры и остальных ребят, не чувствовала тяжести коробки в рюкзаке, не слышала того ледяного тона, которым Кай говорила про «Новый горизонт».

Я допил холодный чай, который «Шеф» предусмотрительно поставил рядом с тарелкой, и убрал посуду в мойку. Автоматика тут же загудела, принявшись за стерилизацию. Планы. Да, они были.

Первым делом — проверить анонимный мессенджер. Экран вспыхнул тусклым синеватым светом. Ни новых сообщений, ни меток. Тишина. Это могло быть и хорошим знаком, и очень плохим.

Второе — разведка. Мне нужно было выйти в город, но не «подышать воздухом». Мне нужно было проложить мысленную карту: где стоят новые камеры «Гелиоса», где маршруты дронов участились, где можно свернуть, раствориться, исчезнуть. Я уже не был Максимом Александровичем, ищущим работу. Я был Курьером, изучающим местность для будущих рейдов.

Я оделся небрежно, в старые, ничем не примечательные вещи — тёмные брюки, потёртую куртку, шапку, которая скрывала лицо от угловых камер. В кармане лежала поддельная ID-карта низкого уровня доступа, которую Борода вручил мне вчера «на всякий случай». Она не выдержала бы серьёзной проверки, но могла обмануть сканер на входе в общественный транспорт.

Перед тем как выйти, я ещё раз взглянул в окно. Тучи по-прежнему висели низко, но где-то на западе появилась узкая полоса яркого света. Она подсвечивала края облаков золотом, а город внизу оставался в тени. Идеальная метафора. Свет был, но он не для нас. Он был для Радианта, для эйр-лофтов, для тех, кто парил выше.

Дверь закрылась за мной с тихим щелчком. Музыка стихла. В лифте пахло озоном и чужими духами. Я нажал кнопку не первого этажа, а подземной парковки. Оттуда был чёрный выход позади дома, так я меньше рискую попасть на глаза дронам, выйдя с той стороны дома. Пройду по краю проспекта и вскоре попаду на одну из параллельных улиц, а с неё уже — в одну из улочек старого квартала, не охваченную прямым видеонаблюдением. Этому пути меня научил не Вадим и не Борода. Этому пути меня научила сама жизнь в этом городе-крепости, где каждый, кто хочет сохранить крупицу свободы, рано или поздно учится находить щели в броне.

Первый глоток уличного воздуха был горьким и холодным. Я поднял воротник, сделал шаг вперёд — и растворился в утренней толпе, в потоке таких же, как я, теней, спешащих по своим невидимым, запутанным делам.

Я шёл по улицам квартала, в котором вырос. Здесь, среди этих стареньких корпусов из переработанного пластика, я когда-то бегал с другими ребятами. Все дома для малообеспеченных были похожи друг на друга как две капли воды: двадцать четыре этажа, бурая пласти-

ковая отделка, минимум архитектурных излишеств. Дворы — удивительно тесные, с жалким пятном пожухлого газона и детской площадкой, собранной из дешёвых, а порой и откровенно токсичных материалов.

На площадке ещё играли детишки, но их родители, до этого сидевшие на разнообразных сиденьях разбросанных по краям островка газона, уже поспешно перебирались под купол в самом центре, прячась от начавшегося дождя.

Я не стал искать укрытия. Дождь — мой союзник. Под его пеленой камеры видят хуже, а капли, барабанившие по пластиковым навесам и асфальту, заглушают шаги. Я свернул в арку между двумя корпусами, где когда-то был проходной двор, а теперь — тупик, заваленный пластиковыми контейнерами для раздельного сбора мусора, который даже тут давно стал нормой. Домохозяйства умеют считать деньги и самостоятельно перерабатывая мусор, они не просто отсекают дополнительные расходы, а раз в квартал получают ощутимую премию. Дрон-мусорщик забирает контейнер, сканируя и взвешивая каждый пакет на лету. Данные сразу уходят в муниципальную сеть, и раз в квартал на счёт дома капает муниципальная дотация — небольшая, но для многих ощутимая премия за дисциплину.

Отсюда начинался мой настоящий маршрут.

Я мысленно отмечал точки. Здесь — старая камера на фонарном столбе, её объектив заляпан белесой плёнкой высохшей грязи, слепая. Там — свежий след на стене: круглое пятно, где неделю назад висел новый «глаз» «Гелиоса». Следы крепления ещё видны, но самого устройства нет. Либо сканер украли, либо служба безопасности сняла для переустановки в более «прибыльном» месте. Впереди — перекрёсток. На левом углу — синий информационный терминал с рекламой колониальных лотерей. На правом — ниша подъезда, идеальная для того, чтобы переждать дрон или слиться с тенью.

Маршрут прочерчивался в голове сам, как будто я никогда и не забывал эти дворы-лабиринты. Тело помнило каждую выбоину, каждый скрипучий люк. Это знание было моим главным оружием против алгоритмов «Гелиоса». Они мыслили сетками, схемами, логистическими потоками. Я мыслил трещинами в асфальте, с липким запахом переработанной смолы из-под списанных упаковок и углом, под которым падала тень от ближайшего корпуса в пять вечера.

Я уже почти вышел на набережную старого канала, когда мой переносной интерфейс, завибрировал. Это был сигнал анонимного мессенджера, поэтому звука не было, а прибор издал короткую, едва уловимую вибрацию. Не звонок, не мелодия — тактильный импульс, похожий на сокращение крошечного сердца.

Я замер в нише здания, натянув капюшон. Экран устройства, защищённый от влаги, вспыхнул одной строкой:

«Склад №7. 20:00. Зелёный свет горит для груза 2x2.»

Адрес был знаком — другой ангар в портовой зоне, подальше от вчерашнего. «Груз 2x2». Код. Две коробки? Два человека? Два часа на выполнение?

И время... 20:00. До него ещё часов восемь. Много времени, чтобы подготовиться, и бесконечно много — чтобы передумать или наделать ошибок.

Я стёр сообщение, и экран погас, оставив лишь отражение моего лица в тёмном стекле. В нём уже не было растерянности вчерашнего новичка. Была сосредоточенная, холодная ясность. Дождь усиливался, стекая по пластиковому козырьку сплошной пеленой, за которой мир расплывался в серые, неразборчивые пятна.

Прямо как моё будущее. Неясное, мокрое, полное скрытых угроз. Но в нём теперь был чёткий пункт назначения. И пароль.

Я вышел из укрытия и снова шагнул в потоки воды и людей, начиная обратный путь. Мне нужно было проверить ещё два района, запомнить график патруля на мосту через канал и — главное — придумать убедительную легенду для Юли на вечер.

«Всё будет хорошо», — эхом отозвался в памяти её голос. Я поправил воротник, ощущая, как капли дождя стекают за шиворот. Ложь для защиты тех, кого любишь, — это ещё не самое страшное, чему учит эта новая жизнь. Самое страшное — начинать верить, что эта ложь и есть единственная возможная правда.

Склад №7 оказался не ловушкой, а следующей ячейкой сети. Теперь, спустя несколько дней склад в порту больше не был для меня точкой на навигаторе. Он дышал. Гул самодельного генератора стал его ровным сердцебиением, а запахи — смазки, раскалённого металла и старого пластика — его естественной средой. Внутри царило сосредоточенное оживление. Меня, которого теперь все звали просто «Курьер» или, с лёгкой ухмылкой Борода уже называл меня «Старина». Я стоял перед импровизированной картой, нарисованной не на экране, а на огромном, пожелтевшем от времени листе инженерной бумаги, пришпиленном к фанерной стене. Красным, синим и чёрным карандашом он наносил маршруты, узлы, окна.

«Вот здесь, у старой башни Хронос с часами наверху, — мой голос, тихий и хрипловатый, перекрывал шипение паяльника Шпильки, — патруль дронов меняется в 14:30. Значит, с 14:45 до 15:10 — слепое пятно. Десять минут на переход. Лучше не бежать, беспилотники заметят. Лучше идти так, как будто идёшь домой усталой походкой со смены.»

Меня слушали двое новеньких — мужчина и женщина из соседнего квартала гетто. Их звали Рекс и Лиса. Глаза у них были осторожные, изучающие, но не пустые. В них горел тот самый огонёк, который я уже начал узнавать: смесь отчаяния и решимости.

«А если «Гелиос» сменит график?» — спросил Рекс, молодой, с жилистыми руками сварщика.

«Они не меняют, — отозвался, не отрываясь от платы, Шпилька. Его очки в толстой оправе отражали зелёные огоньки светодиодов. — Алгоритм отработан. Менять — неэффективно. У них рутина, у нас — её знание.»

Я кивнул, отмечая на карте ещё один пунктирный путь вдоль русла высохшего коллектора. Сам я изменился. Плечи, привыкшие годами трудиться на военных арсеналах Гелиоса, теперь были расправлены, будто скинули тяжесть своего положения. Взгляд, прежде уставший и потухший, стал цепким, сканирующим пространство на предмет угроз и возможностей. Я носил те же потрёпанные вещи, но двигался в них иначе — не как гость в чужом мире, а как его обитатель.

Борода, широкий в плечах, как дверь, подошёл, вытирая руки о промасленную ветошь.

«Что, Старина, новые кадры обучаешь? Смотри, не перегрузи. У Лисы, гляжу, ещё дрожь в коленях.»

Лиса, худая, с острым лицом, вспыхнула, но не опустила глаз.

«Справимся. За пайки «Гелиоса» дети не выздоравливают.»

В её голосе была та же сталь, что и у Кай. Я снова почувствовал этот странный укол гордости. Они не просто доставляли грузы. Они выращивали сопротивление. По одному человеку за раз.

«Кай с новой партией антисептика задержалась?» — спросил я, сверяясь с нарисованными на краю карты условными значками-расписаниями.

«На полчаса уже, — хмуро ответил Борода. — На связь не выходила. Но с Кай такое бывает. Она как тень — появится, когда не ждёшь.»

Тишина, повисшая после этих слов, была красноречивее тревоги. Нарушение ритма. В нашем новом, хрупком мире, где выживание зависело от секунд и предсказуемости, это было первым сбоем.

Я отвернулся от карты и подошёл к своему рюкзаку — не тому, что для дальних рейсов, а к полевому, с инструментами и водой. Проверил крепления, потрогал защитный во внутренний карман маленький, холодный брусок — уже не ключ, а кусок диэлектрика от первого коммутатора. Талисман.

«Я пойду на точку сбора у котельной, — пробормотал я, больше себе, чем другим. — Пересеку её маршрут. Если что...»

Но не договорил, мысленно просчитывая риски. «Если что» не имело плана Б. «Если что» означало, что с Кай случилось непоправимое, и наша хрупкая сеть дала первую трещину ещё до того, как «Гелиос» начал по-настоящему давить.

«Возьми Хаунда с собой,» — бросил Борода, и в его голосе впервые зазвучала не просто озабоченность, а приказ.

Я покачал головой.

«Хаунд нужен здесь. Его чутьё на электронику важнее. Я пройду старым путём. Как тень.»

Затем поднялся и вышел из ангара в предвечерние сумерки. Воздух у воды был тяжёлым, влажным, пахнущим ржавчиной и гниющими водорослями. Я сделал несколько шагов по знакомой тропинке, и тело само включилось в режим: шаг лёгкий, но уверенный, взгляд скользит по крышам, окнам, грудам хлама, уши ловят каждый звук, от отдалённого гула транспорта до писка крыс.

Пока шёл, в голове стучал тот самый новый ритм жизни. Не монотонный гул заводских комплексов, а живой, опасный пульс улицы. Я почти физически ощущал нити нашей новой сети: вот тут, в полуразрушенном доме, живёт медсестра с принтером. Там, в подвале кафе, прячут архив уцелевших бумажных книг. Каждая точка — вспыхивающая искра в крошечной тьме системы.

Но сегодня ритм сбился. Отсутствие Кай было тихим, но настойчивым диссонансом. И я знал — диссонансы в этой симфонии выживания никогда не были случайностью.

Шаг за шагом, в такт собственному пульсу, я продвигался вглубь сгущающихся сумерек. Это был первый, едва уловимый признак. Признак того, что огромная, равнодушная машина «Гелиоса» наконец-то услышала тихий шепот нашей сети.

И теперь вопрос был не в том, узнает ли она. А в том, как именно она ответит. И успею ли я найти Кай до того, как этот ответ обрушится на нас всех.

Воздух в подвале, превращённом в лазарет, был не просто густым — он казался вязким и будто лип к коже. Запах — адская смесь хлорки, гноя, пота и сладковатого дыхания лихорадки.

Я, пригнувшись, чтобы не задеть низкий, закопчённый потолок, шёл за Кай. Она двигалась по этому лабиринту из коек с уверенностью хищника в своей норе. На нарах, расставленных в хаотичном порядке вдоль стен и накрытых серыми списанными одеялами, кутались десятки тел — как взрослых, так и детей с разнообразными болезнями. Одни больные бредили и скидывали с себя эти одеяла, бились в лихорадке — переживали кризис, скорее всего из-за продолжительного употребления плохой воды, содержащей тяжёлые металлы. Другие, чаще дети, кутались в них, дрожали всем телом без возможности согреться. Как пояснила Кай, у них организм также был отравлен тяжёлыми металлами вследствие употребления грязной воды, но тут интоксикация слабее — в основном свинцом. А в первом случае ртуть порой вызывала противоположный эффект.

Но основной проблемой детской смертности в гетто до сих пор остаётся дизентерия. Вернее, не сама бактерия, а критическое обезвоживание: дети, чтобы хоть как-то промочить горло, пьют ту же грязную воду — без кипячения и фильтров. Итог — летальный инфекционно-токсический шок.

Я слушал лекцию Кай и следил за эмоциями девушки, проступавшими глубокими складками на её лице, но сегодня с ней что-то было не так. Часом ранее я нашёл её у старой котельной, как и предполагал. Она стояла, прислонившись к кирпичной кладке, курила самокрутку, и её лицо в свете тлеющего табака казалось вырезанным из бледного камня.

— Кай, — позвал я тихо.

Она вздрогнула так, будто её ударили током. Глаза, обычно такие цепкие и холодные, на миг дико метнулись по сторонам, прежде чем навестись на меня. В них не было радости от встречи, не было даже обычной раздражённой деловитости. Был чистый, животный испуг.

— Чёрт... Максим. Ты как... — голос её сорвался. Она резко затянулась, пытаясь взять себя в руки, но пальцы, державшие самокрутку, мелко дрожали. — Зачем пришёл? Я справлюсь одна.

— Борода забеспокоился. И я — тоже, — сделал шаг ближе к девушке, и она инстинктивно отшатнулась. Не сильно, но заметно. Как от чужака. Или от опасности.

— Всё в порядке. Просто... задержалась. Встреча была сложной.

Она говорила слишком быстро, сглатывая слова. И не смотрела мне в глаза прямым, вызывающим взглядом, к которому я уже начал привыкать. Её взгляд скользил по моему плечу, по стене за спиной, будто искал наблюдателей. Или скрытые камеры.

В моей голове внезапно зашевелились подозрения, холодными, скользкими угрями. Она провокатор? Её запугали? Пообещали ей жизнь в обмен на сдачу сети? Тут я вспомнил её рассказ про курьера, «выкупленного» «Новым горизонтом». Страх — лучший мотиватор.

— Ладно, — собрав остатки воли в кулак, сказал я ей, сделав своё лицо маской нейтральной озабоченности. Даже позволил себе устало вздохнуть, потирая поясницу — жест старого, измотанного человека, а не охотника за шпионами. — Тогда пойдём быстрее. Груз-то у тебя?

Она кивнула, резко отбросила окурок и потянула рюкзак. Движения были резкими, угловатыми, лишёнными её обычной плавной, экономичной грации. Весь путь до лазарета она шла молча, но не в своей привычной сосредоточенной тишине, а в напряжённом, почти звенящем молчании пойманного зверька. Она оборачивалась на каждый шорох в переулках. Её рука то и дело тянулась поправить капюшон, словно она хотела спрятать лицо.

Я наблюдал за ней, её хрупкими плечами, которые теперь не были вольготно расправлены. Внутри меня бушевал разлад. Симпатия — странная, возникающая из уважения к её умелым рукам и несгибаемой воле — тянула меня к ней. Хотелось верить, что это просто стресс, последствия «сложной встречи». Но инстинкт выживания, отточенный за годы работы в системе «Гелиоса», где доносы и предательство были частью корпоративной культуры, кричал об опасности. Внутренне я разрывался. И старался, чтобы на моём лице читалась лишь усталость и сосредоточенность на задании.

В лазарете нас встретила медсестра — женщина лет пятидесяти с лицом, измождённым, как старый пергамент.

— Опять ваши коробочки? — её голос звучал хрипло и безразлично. — У меня дети мрут от дизентерии и сепсиса, а вы мне бумажки носите. Бумажка живот не спасёт.

И тут с Кай произошла перемена. При виде больного ребёнка, его вздувшегося, будто барабан животика и потухших глаз, её собственный страх куда-то отступил. Её лицо застыло в ледяной, сосредоточенной решимости. Она больше не дрожала.

— Это не бумажка, — голос девушки прозвучал низко и хрипло, но уже без дрожи. Это был голос техника, видящего цель. — Это рецепт.

Она опустила на корточках рядом с гудящим, выдавшим виды портативным биопринтером — списанной моделью, которую Умбра, наверное, собрал из трёх разных. Подключила его к коммутатору из своего рюкзака. Маленький экран замигал, началась загрузка данных — тех самых украденных молекулярных схем.

— А это, — она похлопала ладонью по корпусу принтера, — печка.

Наступил час напряжённого ожидания. Принтер жужжал, щёлкал, из его сопла тонкой струйкой выдавливалась вязкая субстанция в стерильный контейнер. Воздух наполнился новым запахом — сладковатым химическим. Кай не отходила от аппарата, её пальцы летали по настройкам, глаза не отрывались от процесса. Я по-прежнему наблюдал за ней, и теперь

мои былые подозрения смешивались с искренним восхищением. Шпион или нет, но здесь и сейчас она делала чудо.

Когда медсестра, скептически хмурясь, ввела полученный состав ребёнку, в подвале воцарилась тишина. Все ждали. Минуты тянулись, как смола.

И тогда произошло невероятное. Спустя полчаса ребёнок, который всё это время стонал в полудреме, тихо вздохнул и повернул голову. Напряжение в его личике чуть ослабло. Это было едва заметно, но для всех в комнате — словно луч солнца в крошечной тьме.

Победа. Крошечная, молекулярная, но победа.

В этот момент, я почувствовал, как что-то сжимается у меня в груди. Не слеза — слёз я уже давно не знал, — а мощный, глухой удар по той стене апатии, что годами росла вокруг моего сердца. Я не лечил этого ребёнка. Я даже не понимал до конца, как работает данный принтер. Но осознание того, что я причастен к его выздоровлению и сам доставил инструмент, способный на это, жгло грудь изнутри. И этой малой, почти незаметной работы, оказалось достаточно, чтобы спасти чью-то жизнь. Впервые за десятилетия мои действия имели прямой, зримый, человеческий смысл.

Я поднял взгляд от прибора и поймал взгляд Кай. И в её глазах, обычно таких холодных и острых, я увидел то же самое. Не триумф, нет. Хрупкую, почти испуганную надежду. Миг абсолютного, немного понимания: мы все, включая самых отверженных системой, только что изменили мир. На одну молекулу. Но изменили.

И в этот миг я понял, что моя внутренняя борьба не закончилась. Она стала лишь сложнее. Потому что теперь я боялся не только за сеть, но и за неё. И за ту искру в её глазах, которую

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.